

Ирина Лядова

ПРИЧУДЛИВЫЙ УЗОР
НИТИ ЖИЗНИ

Ирина Лядова

Причудливый узор нити жизни

«Автор»

2026

Лядова И.

Причудливый узор нити жизни / И. Лядова — «Автор», 2026

К чему приводят кошмары? К жизни, которой не должно было быть; к нити, которой суждено оборваться. Злата умерла при рождении, родители скрыли от неё то, что вернули дочь благодаря соку Древа Жизни. Много лет они хранили тайну, и дальше бы всё шло хорошо, если бы не мор, окутавший все соседние поселения. Тогда Древо позвало девушку. Теперь Злате предстоит узнать тайну своего рождения, понять, кто же она такая, и узнать, в какой причудливый узор сплетётся её нить жизни.

© Лядова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ирина Лядова

Причудливый узор нити жизни

Пролог

– Ты напрасно пришёл, – произнесла птица не оборачиваясь. Она сидела на нижней ветке дерева, едва не задевая хвостом землю.

– Мне необходимо пророчество, – ответил старик с чёрной бородой, приближаясь к птице. Он хромал на одну ногу, из-за чего был вынужден опираться на крючковатый посох.

– Я ведаю, зачем ты здесь, – промолвила птица, поворачивая человеческое лицо. Синее оперение оттеняло белизну кожи странной птицы и придавало ей бледность. – Ты не получишь ответов на свои вопросы.

Мужчина в ярости откинул посох и схватил птицу за горло.

– Говори, – потребовал он.

– Как же она тебе ответит, коли ты её за горло ухватил? – раздался звонкий голос откуда-то сверху. Старик поднял голову – над ним раскинул ветви древний дуб, там наверху у самой макушки дерева сидели ещё две птицы: чёрная, с сизыми перьями и печальным лицом, и ярко-алая, сияющая золотистыми всполохами и радостной улыбкой на устах.

– Что за ответы тебе нужны, Чернобог? – продолжила алая птица, подлетев ближе к мужчине. – Нечасто ты к нам навещаешься, неужто мир скоро падёт?

Птица, усмехаясь, легко опустилась на самую нижнюю ветку.

– Тебе дело какое Алконост? Я пришёл к Гамаюн. Вас не звал.

– Обижаешь, – забавно насупилась та. – Знаешь ведь, что неделимы мы.

Чернобог зло посмотрел на Алконост, повисла тишина. Лишь чёрная птица, не спешила спуститься. Сидя в ветвях, она прислушивалась к чему-то, одной ей ведомому.

– Ах, спеть бы для тебя, – неожиданно произнесла она. – Да не слышу я печальной песни твоей...

Чернобог самодовольно хмыкнул, продолжая держать Гамаюн за горло.

– Не тебе для меня песни петь, Сирин. Ты – муравей в жизни божества.

Тут раздался звонкий смех Алконоста. Чернобог резко дёрнулся, и Гамаюн в его руках захрипела.

– Зря ты, Алконост, потешаться вздумала, – недобро прищурился мужчина. – Твоя песнь мне тоже не нужна.

– А у меня и нет ничего для тебя. Нет в твоей судьбе песни счастья, – Алконост взмахнула крылом перед своим лицом, словно отгоняя мошек.

– Моя судьба – не ваша забота! – Чернобог ещё сильнее сдавил горло Гамаюн. Раздался едва различимый хруст, птица обмякла в руках божества. Сирин испуганно ахнула и закрыла лицо крыльями.

– Зачем же за пророчеством пришёл, раз в связь нашу с судьбой своей не веруешь? – Алконост склонила голову набок, внимательно наблюдая за мужчиной.

– Не ваше дело! – воскликнул мужчина и откинул Гамаюн в сторону. Птица упала на землю, подняв небольшое облачко пыли.

– Много ли ответов получил? – послышался голос позади. Чернобог обернулся. Взору его предстали две женщины с виду похожие друг на друга как две капли воды: да одна вся осунувшаяся в залатанном рванье, а вторая румяная в расшитом золотом сарафане. Вокруг них вилось множество нитей, которые, каждая наматывала на своё веретно.

– Явились, – недовольно буркнул старик. – Вас спросить забыл. Идите отсюда.

– А может, и забыл, – молвила румяная, подмигнув. – Не у нас ли с сестрицей спрашивать про свою ниточку?

– Судьбами богов вы не ведаете. Я сам вершу свою судьбу, – Ответил старик злобно, на что сёстры лишь загадочно переглянулись.

– Ну, коли так, то больше не держим, – сказала вторая сильным голосом. – Ступай. И так нам птиц распугал.

– Распугаешь их, как же, – Чернобог оглянулся на птиц, окруживших лежавшую на земле Гамаюн, и сплюнул под ноги. Подняв посох, старик направился к выходу из сада, но не успел сделать и десятка шагов, как Гамаюн пришла в себя и прохрипела:

– Тьма твоя падёт, – Чернобог напряжённо замер. – Как только явится на свет тот, в чьих жилах течёт сама жизнь.

Гамаюн закашлялась, старик же, напротив, расслабился.

– Значит, быть моей тьме лишь сильнее, – довольно произнёс он и вышел за калитку сада, растворившись чёрным дымом.

– Ох, не к добру это, – запричитала Недоля, ухватив одновременно с Долей нить, возникшую в воздухе. Ниточка причудливо вилась, зацепившись за веретёна обеих сестёр.

– Полно тебе, сестрица, – отмахнулась Доля. – Уверена, чудесная выйдет ниточка.

Глава 1

Лес горел. Деревья кричали, молили о пощаде, корчились ветви, сжималась листва. Вековые ели роняли вниз иголки, понимая, что им не выжить. Лес звал на помощь. Звери бежали от огня, пытаясь спрятаться в густых зарослях кустарника и под ветвями могучих дубов, но находили лишь страх и дрожащие ветви. Птицы кружились, стремясь перекричать пожар, но их трели гасли в рёве пламени...

Злата проснулась и откинула мокрые волосы со лба. В мыслях всё ещё ревел пожар, и деревья ждали помощь, которая не придёт. Стоило только прикрыть глаза, как перед взором возникали ветви охваченные огнём, и звери в страхе ищущие убежище. Этот сон снился ей уже несколько лун. Каждый раз, пробуждаясь в холодном поту, она после не могла уснуть.

Она любила лес. Ей нравилось бродить среди пушистых еловых веток, когда мох пружинит под ногами, а лучи солнца пробираются сквозь хвойные иголки, добавляя сказочности. Блестящая роса по утрам, летом сочные ягоды земляники на лесных опушках и крепкие белые грибы по осени. Но лес, что ей снился, был другим: мрачным, тёмным, охваченным ужасом и болью.

Боль... Кругом боль. Сердце сжималось от неё, когда приходило осознание, что она, Злата, простая деревенская девчонка, не может спасти не то что лес из сна, но даже людей рядом. На её деревню напал мор, люди стали гибнуть один за другим. Началось всё с прошлого жнивения, когда один из сыновей соседки хилеть начал, а после и вовсе слёг с неизвестным недугом. У мальчишки начались корчи и горячка. Говаривали, что наслушался он быличек дедов и отправился сокровища искать, дескать, есть в лесу колодец полный богатств, а стережёт его старушонка. Вот и судачат, что в поисках он таки повстречал в лесу Калян Осерчал на него вредный дух и наградил хворью вместо богатств. Правда оно или нет народ так и не узнал – мальчишка быстро помер, а следом за ним люд хворать начал.

Как почуяли беду, собрались на совет да выбрали несколько баб, кто защитный круг будет для деревни творить. Выбранные женщины впряглись в плуг и опахали деревню. Остальные шли рядом: шумели ухватами, печными заслонками да свистели кнутами. Ох, и повеселилась тогда детвора, стуча боталами. Только обряд отпугивания хворей не помог. Люди обратились к богам, принося жертвы и моля о помощи, но те молчали. Тогда уж решили к нечисти обратиться: каждый отнес в лес по ярушнику и куску мяса для Вориса, но и дух-хозяин не смог отогнать хворь.

В соседней горнице раздался приглушённый кашель, а затем хриплое дыхание. Злата откинула тонкое одеяльце и вскочила с лавки. Несколько дней назад отец девушки схватил недуг. Вместе с матерью они старались облегчить его хворь, но его продолжало лихорадить. Жар то спадал, то вновь накатывал новой волной – совсем как огонь на лес во сне. Злата неслышно вбежала в соседнюю горницу, мать была бледна и стояла на коленях у лавки, где лежал отец Златы, смачивая в небольшом корыте тряпку, чтоб приложить на лоб больного. В комнате пахло травами.

– Маменька, отправляйтесь почивать, я посмотрю, – вполголоса молвила Злата, касаясь плеча родительницы. Женщина подняла уставшее, осунувшееся лицо, взглянула на дочь и вновь опустила голову.

– Спасибо, милая, – еле слышно отозвалась она, целуя дочь в руку, которую та продолжала держать на плече. – Посмотри, но поспать мне не получится. Ты же знаешь, староста просил зайти к нему, если на третий день твоему отцу лучше не станет. Нужно сообщить как можно раньше, возможно, получится избежать беды, и он поправится.

Злата покорно кивнула и опустилась рядом с матерью. За окном прокричали петухи. Женщина тяжело вздохнула и поднялась, опираясь на подставленное дочерью плечо. От уста-

лости её шатало. Оправив подол мягого сарафана, она медленно направилась к дверям, сопровождаемая грустным взглядом дочери.

Тем временем в свои права вступила весна. Снег почти растаял под старательно гревшим землю солнцем, на реках уж и не осталось льда, а дни становились всё теплее. Приближались дни пахоты. Злата понимала, что если отец не поправится, то вряд ли они смогут пережить следующую зиму. В семье их было всего трое, и вся тяжёлая работа ложилась на плечи отца. Конечно, они с матерью помогали по мере сил, но весной, во время пахоты, толку от них было не много, а если не сделать посадки, есть будет нечего.

Злата сидела, призадумавшись, и вздрогнула, когда проснувшийся отец закашлялся.

– Тятя, вот, возьмите воды, – схватила она ковш с колодезной водой, стоявший рядом. Мужчина с благодарностью посмотрел на дочь и, приподнявшись, взял в дрожащую руку ковш. Злата аккуратно его придерживала, помогая не облиться.

– Матушка отдыхает? – хрипло спросил отец, отдавая ковш обратно дочери.

– Она пошла к старосте, говорят, он надеется спасти деревню, сделав большое подношение богам, но мы уже столько их сделали... – грустно проговорила Злата. – Папенька, скажите, вам лучше?

– Думаю, да, – ответил мужчина, вновь откинулся на подушку и прикрыл глаза.

«Лукавит», – с печалью подумала Злата и принялась с усердием окунать тряпицу в отвар из трав.

– Я думаю, что стоит тебе, дочь, уйти из деревни, – хрипло начал отец. – Вернёшься, как беда стороной обойдёт.

Тряпка из рук Златы с плеском упала обратно в отвар.

– Как же так? – пробормотал она. – На кого же я вас оставляю? Куда же я пойду?

Продолжила она уже чуть тише, опуская взгляд и вновь отжимая тряпку:

– Тятя, давайте я вам приложу прохладное...

Отец устало поглядел на дочь, после чего прикрыл глаза и позволил положить на лоб прохладную ткань.

– Мы-то справимся, за нас не переживай. Главное, чтоб ты здорова была. Потому и пойдёшь к тётке.

– Но тятя! Как же так? Вы вдвоём без меня не управитесь.

– Нашла время с отцом спорить... – прохрипел мужчина и закашлялся.

Отворилась дверь, и в избу зашла мать Златы. Она опиралась на какую-то палку и была бледна.

– Маменька, с вами всё ладно? – бросилась к ней Злата подхватывая.

– Да, милая, всё хорошо, присесть только надо бы, – еле слышно промолвила женщина.

Отец тяжело вздохнул, наблюдая из-под прикрытых век за женой и дочерью. – Сейчас посижу, и всё пройдёт.

Злата помогла матери присесть на соседнюю лавку и озабоченно потрогала её лоб.

– Матушка, не огневица ли у вас?

– Нет-нет, не переживай, я просто устала, – прислонившись спиной к стене, она прикрыла глаза.

Злата смотрела на родителей и не понимала, как отец может отправлять её к тётке в такой момент. Было похоже, что и матушка начала хворать, а это значило, что, если она покинет дом, ходить за ними некому будет. Устало вздохнув, она негромко молвила:

– Я схожу за свежей водой к колодцу, постарайтесь отдохнуть, – и тихо вышла.

Чтобы дойти до колодца, нужно было пересечь половину деревни: ещё недавно здесь звенел детский смех и сновали люди, сейчас стояла тишина, нарушаемая лишь порывами ветра. Злата с грустью смотрела вокруг: где-то у дома покосился забор, где-то ставни закрыты уже

навсегда... Мор подкосил жителей, и у многих домов больше не было хозяев. Деревню укрыло отчаяние. Ветер скрипел калитками, играл нежной, ещё мелкой листвой. Впереди, у колодца кто-то шумел вёдрами. Подойдя ближе, Злата увидела дочь старосты, которая о чём-то причитала. Девушка остановилась, невольно сравнивая себя с ней. В отличие от Златы дочь старосты была высокой, дородной, краснощёкой девицей с волевым характером и командным голосом, толщине и длине косы которой завидовала вся деревня. Маленькая тихая Злата просто терялась на её фоне.

– Здравствуй, Глаша, – Злата наконец опустила свои вёдра чуть поодаль. – Что-то не так?

– И тебе здравствуй, – ответила та, выпрямляясь и откидывая волосы с лица. – Всё у нас не так!

Глаша всплеснула она руками.

– Пора пахоты, а деревня как вымерла за зиму! Кругом хворь какая-то бродит, а тут ещё и бадья прохудилась колодезная, как сгрыз её кто!

Злата задумчиво оглядела ведро, которое Глаша подняла, показывая – на нём и правда были дыры со следами, похожими на клыки.

– Может, кто забыл бадью убрать, и ночью собаки погрызли, – высказала предположение Злата.

– Да не похоже на собак... – продолжая рассматривать бадью, ответила Глаша. – Ладно уж, что сейчас гадать. Скажу папеньке, что новая бадья к колодцу требуется, пусть он с этим разбирается.

И она как-то зло бросила тару для воды на землю. Злата с удивлением посмотрела на всегда сдержанную дочь старосты.

– Не смотри так. Знаешь же, что у меня свадьба должна была быть, – Злата кивнула. – Так отец её отменил, а меня высылает из деревни! Дескать, не время свадьбы играть, здоровье важнее. А Ладимир отца поддержал!

Злата тяжело вздохнула.

– И что же теперь? – грустно спросила она.

– В город поеду.

– Одна? – ахнула Злата.

– Почему же одна? С младшими: со своим братом и сестрёнкой Ладимира.

– А остальные как же?

– У Ладимира почти вся семья умерла этой зимой... бабка осталась, да сестра. Бабка вот хворать начала на днях, потому сестру Ладимира к нам переселили. Ну, а мои... Отец – староста, ему проблемы деревни надобно решать, а матушку и старших братьев мы похоронили ещё до масленицы... – теперь пришла очередь Глаши тяжело вздыхать.

Злата неуверенно топталась на месте, глядя на старшую подругу.

– Отец тоже хочет меня выслать... – тихо сказала она, смотря в землю. – Но я не собираюсь уходить. Они без меня точно не справятся.

Глаша удивлённо посмотрела на девушку.

– Глупая ты. Если есть куда уехать, лучше уехать. Мы хоть и под богами ходим, но и договориться с судьбой всегда можно. Если останешься, от твоего рода совсем никого может не остаться, а вернуться всегда успеется.

Злата задумалась над её словами.

– Старшие всегда говорят, что на всё воля богов. Видимо, осерчали они за что-то на нашу деревню, если уедем – не навлечём ли ещё большей беды?

Глаша хмыкнула и снова загремела вёдрами.

– Давай-ка моё ведёрко прицепим, а то без воды останемся, – вместо ответа на Златин вопрос сказала она, и ловко насадила ведро на крюк. Закрутился ворот, заскрипела цепь, посте-

пенно разматываясь, послышался плеск, и Глаша начала поднимать воду. Подхватив полное ведро, девушка выругалась.

– Что такое? – испугалась Злата, глядя на Глашу.

– На воду посмотри, – ответила та, отходя от ведра с водой. Злата заглянула в него и отпрянула в ужасе – вода была полностью красная. Глаша выругалась, выливая в сторону грязную воду из ведра и сказала: – Как крови ведро набрала. Надо на родник идти, ты со мной?

Злата согласно кивнула, с опаской поглядывая на колодец.

– Может, мы метлу из рябины туда опустим? – робко поинтересовалась Злата, указывая кивком на колодец.

– А у тебя что, с собой веник рябиновый? – насмешливо уточнила Глаша. Злата помотала головой в ответ. – Ну, вот и всё. Я на родник, а ты смотри сама.

Девушки отправились в путь, молча обдумывая каждая своё.

– Как думаешь, колодец прокляли? – Злата не выдержала молчанья первая.

– Не знаю, – ответила задумчиво Глаша. – Главное, чтоб родник был чист.

– А может, наш колодец уже давно такой, просто мы не замечали? Вода испортилась, потому люди и болеют.

– Может, и так, – ответила девушка, раздвигая еловые ветки над родником. – Здесь всё хорошо.

И правда – из-под земли бежала кристально чистая вода, сверкающая на солнце.

Набрав воды, девушки молча разошлись. Злата размышляла о красной воде в колодце и о сказанных Глашей словах. Уезжать и оставлять родителей не хотелось, а понимание того, что возможно, это единственный верный выход, внушало тревогу. Аккуратно зайдя в избу, Злата чуть не расплескала воду от увиденного: матушка активно хлопотала у печи, а отец сидел за столом и пил чай. Не веря своим глазам, она кинулась к родителям с радостным возгласом.

– Я знала, знала, что все наладится, и мне не нужно никуда уезжать! – воскликнула она, садясь за стол. Ответом ей стал хмурый взгляд отца. – Батюшка, ладно ли вы себя чувствуете?

– Ладно, – ответил он, но голос ещё немного хрипел. – Но уехать тебе все равно надобно. То, что нас с матерью твоей хворь обошла, ещё ничего не значит. Завтра на рассвете отправляешься к тетке, тут недалеко, два дня ходу.

– Тогда все вместе отправимся! – не сдавалась Злата.

– Доченька, – подала голос мать Златы ставя кадку в которой замешала тесто, на стол. – Батюшка твой ещё не совсем от болезни оправился, ему ещё полежать следовало бы. Да и я после нескольких бессонных ночей подустала, мы останемся, выждем немного, а не позже чем через одну луну встретимся у тётки.

– Тогда и я подожду, все вам легче будет, – упиралась девушка.

– Пойми же, ты у нас одна, и мы очень тебя любим. Считаю, вымолили у богов себе такую прелестную дочурку, не можем мы тебя опасности подвергать. Вот и Глашку, тоже к тетке отправляют. Вам часть дороги по пути, отправляйся с ними завтра поутру, и нам покойно будет и тебе не скучно, – продолжила мать, ловко разделяя тесто на кусочки. – Я сейчас пирожков тебе в дорогу напеку, а ты иди собирайся. Злата нехотя встала, спорить с родителями было бесполезно. Если уж матушка вспомнила про её рождение, то точно не переубедить. Они и правда очень долго мечтали о ребенке, а когда уже совсем отчаялись, появилась долгожданная девочка. Потому старательно берегли они свой «подарок» богов. Одно казалось странным: когда Злата уходила за водой, матушка еле держалась на ногах, а у отца не спадал жар, как же так вышло, что за пару часов все изменилось? Задумавшись, девушка послушно направилась в комнату собирать вещи, и совершенно не обратила внимания на то, как за её спиной

родители переглянулись. После мать грузно опустилась на лавку, а отец облокотился на стену и прикрыл глаза.

Сноски: *Жнивень* - август; *Корчи* - судороги; *Горячка* - лихорадка; *Дух Калян* - дух обитающий в колоде, из коми-пермяцкого фольклора, способный представать в образе молодой девушки или старухи в синем сарафане. Упоминается в сказах Бажова как Синюшка; *Ботало* - погремушка или колокол издающий глухой звук, изготавливаемый кустарным способом из железа, меди или дерева, который привязывали на шею домашнему скоту (коровам, козам, лошадям); *Ярушник* - каравай; *Вёрись*, также *вёрса*, *вёр-морт*, «лесной человек» – лесной хозяин у коми-пермяков; *Огневица* - жар, лихорадка; *Ворот* - простейшее грузоподъемное устройство с ручным приводом. Состоит из барабана, вращаемого рукояткой, и каната (цепи), надеваемого на барабан. Свободный конец каната снабжён крюком или ёмкостью; *Кадка* - ёмкость цилиндрической формы, сделанная из деревянных дощечек, стянутых металлическими или деревянными обручами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.